

А К А Д Е М И Я Н А У К
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДОВ СССР

БЕ
34
Т78

ТРУД И БЫТ В КОЛХОЗАХ

СБОРНИК ВТОРОЙ

Колхозы Советского Востока

(Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Армения)

751/3

А. Н. КОНДАУРОВ

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОЛХОЗ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В Средней Азии мы видим характерное для русского империализма: использование докапиталистических отношений, сохранение их формы и подмену старого содержания, использование родовых отношений в целях байской эксплуатации и через укрепление местной буржуазии укрепление своего господства.

Предметом настоящей статьи является исследование первых шагов колхозного строительства в Таджикистане по личным материалам автора.

Вопросы землеустройства в Таджикистане неразрывно связаны с аграрным перенаселением в северных районах. Обратимся к данным Средазгосплана. В „Материалах к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане“ (сборн. Средазгосплана, под ред. Б. Карп. Таджгиз, 1930) находим: „В Гармском вилайете¹ конфискация земель бывших чиновников, эмигрантов, ликвидация нетрудовых хозяйств и ущемление многоземельных кулацких хозяйств не даст здесь даже минимального земельного фонда для наделения маломощных и бедняцких хозяйств; кроме того, культурной земли здесь вообще недостаточно и заселена она до последних пределов“.

Оставляем на совести автора его подход к материалу, его манеру дать факт, не определив своего отношения к нему. В данном случае автором не выяснена и не подтверждена необходимость ликвидации нетрудовых хозяйств. Вместе с перечисленными мероприятиями для ослабления аграрного перенаселения в Гармском вилайете „по самым грубым подсчетам надо переселить не менее 10—12 тысяч хозяйств“.

Средняя плотность населения по вилайету составляет 84 чел. на 1 кв. км. Средняя же плотность на 1 км освоенной под посевы площади со-

¹ Вилайет (vilajat) — округ.

ставляет 274 чел. с колебаниями от 183 чел. в Оби-гарме до 330 чел. в Колай-хумбе.

В Пенджикентском вилайете вопрос с аграрным перенаселением стоит не менее остро. Около 7500 га пригодных к орошению земель, находящихся в индивидуальном пользовании, совершенно не обрабатываются декханством, разоренным басмачеством. Кроме того, имеется еще 11 тысяч га обарыченной заброшенной земли. Средняя плотность населения по вилайету, правда, невелика — 7 чел. на 1 кв. км — и объясняется она исключительным гористым рельефом, зато на га посева приходится 3.8 чел. (в Гармском перенаселенном плотности на 1 га 3.0 чел.); в Фольгарском районе она достигает 7.3 чел., в Искандеровском — 5.6 чел. При невозможности в ближайшие годы использовать все удобные (43 000 га) земли в Пенджикентском вилайете так же, как и в Гармском, стоит вопрос о переселении значительной части хозяйств из наиболее перенаселенных Фальгарского и Искандеровского районов. Совершенно с иной картиной мы встречаемся в южном Курган-тюбинском вилайете. Плотность населения там составляет 4 чел. на 1 кв. км, плотность — немногим выше исключительно низкой плотности Горного Бадахшана. Причиной такой низкой плотности Курган-тюбинского вилайета явилось басмачество, совершенно разорившее сельское хозяйство вилайета, в результате чего население целыми кишлаками покидало территорию вилайета и эмигрировало в Афганистан. Эмигрировало в Афганистан в годы басмачества до 60% населения вилайета. По Сарай-камарскому туману¹ к 1925—1926 г., из числа наличных хозяйств, реэмигрантов было около 79%. С этого времени, с 1925—1926 г., благодаря ликвидации басмачества, и началось возвращение на территорию вилайета эмигрировавшего населения, и за год — за полтора количество хозяйств сразу возрастает на 55%. И все же до сих пор плотность населения остается низкой.

Из приведенных справок Средазгосплана следует сделать вывод, что для северных районов Таджикистана организация переселения является существенным моментом ликвидации аграрной перенаселенности. Контингент переселенцев должен черпаться из среды батрацких и маломощных бедняцких хозяйств в первую очередь.

Районы быв. Курган-тюбинского вилайета, при низкой плотности населения и при условии их хлопководческой специализации, требующей огромного количества рабочих рук, являются мощным резервуаром, поглощающим избыточное население аграрно-перенаселенных районов.

Второй, не менее важной проблемой стоит земельное устройство реэмигрантов. Насколько ярко выражен хлопководческий характер Курган-тюбинского района, нам опять покажут некоторые данные.

¹ Туман (tumon) — уезд.

„Из общей посевной площади вилайета, 34 488 дес., на долю поливных приходится 30 004 дес., или 87%“. Поливное земледелие создает важнейшую предпосылку для развития хлопкового хозяйства в районе, и к 1928 г. хлопок занимает здесь до 55% поливной площади, причем в Курган-тюбинском тумане 69%. И в 1930 г. площадь хлопковых посевов по Курган-тюбинскому району достигает 1200 га, при наличии еще 12 000 га орошенной, но не освоенной площади. В настоящее время арыки берут воду с гор; с весны 1931 г. будет приступлено к строительству ирригационных сооружений на р. Вахша. Проведение первых же „голов“ начальных арыков даст возможность оросить еще 12 000 га поливной площади. Нужно ли еще дальше доказывать богатейшие возможности хлопководческой специализации Курган-тюбинского района, одного из основных уже в настоящее время хлопководческих районов Таджикистана. Географический характер района — долина Вахша с высокой средней температурой лета, полное отсутствие осадков в течение лета, сухой жаркий климат — допускает естественную культуру высокосортного египетского хлопка и 100% засев им всей хлопковой площади.

Низкая плотность населения района является тормозом в развитии хлопководства. Сводки о ходе окучки хлопка летом 1930 г. кричат о критическом положении с рабочей силой; уже для имеющейся хлопковой площади ее не хватает в огромных размерах. По округу дефицит рабочей силы выразился в 11 000 чел., заявка была удовлетворена только в размере 4000. Дальнейшее расширение хлопковой площади может идти только при условии освоения новых земель переселенцами.

Перейдем к вопросам ирригационного строительства; здесь необходимо освещение его только с точки зрения укрепления колхозов.

В настоящее время вся посевная площадь района, в том числе и колхозная, обслуживается ирригационной сетью, сооруженной силами местного населения. Вода берется с гор, что в 50—60 км к СЗ от Курган-тюбе; основные центральные арыки сооружены еще до революции принудительным трудом беднейшего декханства для земель бека. Арыки прошли по удачным водораздельным гребням и удовлетворяли имевшуюся посевную площадь. В настоящее время эти арыки уже не в силах обслуживать интенсивно растущую посевную площадь. Основной их недостаток — полная зависимость от сезонов года, что привело в июле 1930 г. (в полный разгар поливки хлопка) к падению уровня воды до 1—1.5 м в день. Второй дефект — запущенность и засоренность „голов“. Летом 1930 г. на очистку арыков требовалось до 5000 чел. рабочих; при огромном дефиците рабочей силы по округу потребовалась помощь колхозников, приходилось отрывать от работы на колхозных полях до 25—30% трудоспособных членов колхоза, что, конечно, повлияло на понижение урожайности хлопковых полей. Мелкая сеть арыков,

подающая воду непосредственно на посе́вы, находится в еще большем запущении. В период поднятия уровня воды, стенки этих мелких арыков, идущих параллельно посевам, не выдерживают напора струи, вода прорывается на посе́вы и дает излишек, вредный для хлопка; в период падения уровня они совершенно пересыхают и десятки гектаров хлопка гибнут или не дают первого сорта.

Кроме этих технических недостатков ирригационной сети, из-за неурегулированности сроков подачи воды отдельным колхозам и кишлакам¹ и неправильного регулирования норм подачи воды возникает масса недоразумений между колхозами и единоличниками на почве водного вопроса. Вот примеры их.

Акт обследования состояния посевов колхоза Гулистан

Обследование состояния хлопковых посевов, произведенное предколхоза со старшим рабочим от 13 VII 1930, выявило, что 35 га посевов хлопка под угрозой гибели, с этих 35 га возможен только второй сьем хлопка, при условии подачи воды не позже, как через день. Состояние остальных посевов таково, что если не будет дана вода в необходимом количестве через 4—5 дней, то первый сьем хлопка не будет возможен со всей хлопковой площади. Причиной такого состояния посевов является недостаток воды. Арык Чашка дает слишком мало воды и не давал и в достаточном количестве в течение всего лета для обслуживаемых им колхозов: Таджик-абад, Гулистан, Ахунбабаев, кишлак Чашка и 30 единоличных хозяйств. Мирабы: Шарифов и Тальбак Зналив неправильно распределяют воду, для 566 га хлопка арык Темес дает столько же воды, сколько и арык Чашка, слишком мало для 825 га. Кроме того, агро-староста колхоза Гулистан не руководил и не интересовался подачей воды и распределением ее на посе́вы Гулистана.

Председатель колхоза Шариф Наврузов.

Отдельные колхозы спорят о сроках подачи воды между собой, а если их спор не разрешается в Окроводхозе, что имеет место в большинстве случаев, то попросту по ночам крадут воду друг от друга, точно так же и единоличники крадут воду у колхозов, в заявлениях к Водхозу и Хлопзаводу жалуясь, что не могут выполнить контрактационного договора, потому что всю воду забирают колхоз Вахш и совхозы. Эти заявления объективно, конечно, не могут быть обоснованы жалобами на то, что единоличников обделили совхозы и колхозы. Частичные недоразумения на этой почве происходят исключительно благодаря мирабам, неправильно регулирующим воду, чем пользуются зажиточные слои кишлака, натравляя бедноту на колхозы.

Эти наиболее характерные примеры неслаженности водного хозяйства района показывают, что ирригационное строительство имеет значение не только чисто экономическое, но и социальное, политическое. Оздоровление водного хозяйства, реконструкция его — один из важней-

¹ Кишлак (kizlok) — селение, деревня.

ших этапов укрепления социалистического сектора в сельском хозяйстве, вопрос социалистической реконструкции таджикского кишлака.

Помимо этих, есть еще целый ряд других моментов, играющих также отрицательную роль в деле укрепления социалистического сектора в сельском хозяйстве. Это — состояние транспорта и дорог.

Экономические связи Курган-тюбе и товарообмен идут по линии следующих дорог. На Сталин-абад, выход к железной дороге, — 112 км полушоссейной дороги с весьма примитивной переправой через Вахш на каюках (род большой лодки-баржи). Бурный Вахш в периоды подъема воды сносит каюки, людей и ценные грузы и иногда надолго прерывает связь по этой дороге. Другое направление движения товаров — западное, на Джили-куль, Сарай-камар, (гужевой) и водный транспорт по Аму-дарье; эта дорога длинее, экономически невыгодная и по ней идут главным образом продукты и предметы широкого потребления. Внутри района — дороги только полевые с массой пересекающих их арыков, дают возможность движения по ним только арб, исключают всякую возможность автотранспорта и сильно затрудняют даже переезд обыкновенных телег и бричек. Местные средства передвижения — арбы, лошади, ишаки и род волокуш-саней. Транспорт совершенно непригоден к перевозке крупных грузов и с.-х. машин. Состояние транспорта и дорог срывает плановую заброску в район с.-х. инвентаря и машин. До сих пор в районе нет ни одной машино-тракторной станции; частичную тракторную вспашку в колхозах производит только совхоз Вахш. Дороги и транспорт являются также отрицательным фактором в хлопкозаготовительных кампаниях. Подчас собранный хлопок не может быть вывезен из колхозов, с мест его непосредственного производства.

Состояние дороги на Сталин-абад, переправы через реки по ней, создают пробки, закрывающие выход хлопку к железной дороге, к промышленным центрам Союза, срывают производственную связь колхозов с социалистической промышленностью. Производящаяся постройка шоссе Курган-тюбе — Сталин-абад и доведение железной дороги до Курган-тюбе разрешат этот вопрос, послужат укреплением социалистического сектора хозяйства района.

Эти краткие справки по экономической характеристике района необходимы были для определения его производственных задач; хлопковое направление района определит и производственное направление колхозов как хлопководческих. Социологическое исследование колхозов не может брать колхоз изолированно, вне производственной характеристики района, вне соотношения секторов в районе, потому что всякое явление можно изучать только во всех его опосредствованиях, во взаимодействии с другими. Всякое изучение колхоза, в том числе и социологическое, как процесса преодоления капиталистического и докапитали-

стических укладов, не может быть доведено до конца вне его связи с производственным направлением района.

Подходя с этой точки зрения к изучению отдельного колхоза, необходимо найти основное звено, за которое ухватиться, чтобы вытащить всю цепь хозяйственно-организационных и бытовых моментов жизни колхоза. Здесь уже приходится говорить о качественной стороне изучаемого явления. Качественная сторона индивидуального крестьянского хозяйства заключается в частном владении землей и средствами производства. Это частное владение землей и средствами производства в условиях капиталистического общества ведет к расслоению крестьянства, в конечном счете, в условиях классического капитализма, к полному размежеванию на два противоположных лагеря, к росту капиталистического хозяйства, вполне законченного капиталистического предприятия, и к полному обезземеливанию, пролетаризации основной массы крестьянства, к экспроприации крупным капиталистическим кулацким хозяйством мелких земельных наделов и средств производства середняцкого и бедняцкого хозяйств.

Частному владению на землю и средства производства в индивидуальном хозяйстве соответствует и только ему присущая организация труда.

Лучше всего взять середняцкое хозяйство, в котором ярче всего сказываются противоречивые тенденции в развитии крестьянского хозяйства. Единоличник-середняк, организуя трудовые процессы на своем участке, казалось бы делает это совершенно самостоятельно, сообразуясь только с личными потребностями и необходимостью нового воспроизводства. Имея собственные орудия труда, участок земли и рабочую силу своей семьи, он может нормировать труд и организовывать его, сообразуясь с производственными задачами своего хозяйства и с сезоном года, т. е., в конечном счете, с потребностями своего существования и своей семьи. Излишне доказывать здесь всю иллюзорность „самостоятельного“ существования середняцкого хозяйства; ясна его зависимость от рынка, от спроса и предложения сельхозпродукции, кризисов и депрессий, от всей хаотичности капиталистического способа производства. Частная собственность на землю и средства производства втягивает крестьянское хозяйство в общий процесс капиталистического производства, заставляет середняцкое хозяйство выделять кулацкую эксплуататорскую верхушку деревни и эксплуатируемые ею маломощные и пролетаризированные батрацкие хозяйства. В условиях Средней Азии и Таджикистана представителями противоположных полюсов будут бай (boi) и мардикор (mardikor) батрак.

Эта связь с капиталистическим способом производства через частную собственность на землю и средства производства индивидуального дек-

ханского хозяйства не дает ему возможности самостоятельно организовывать трудовые процессы и нормировать их. Труд на своем участке зависит от конъюнктуры рынка, от отработок баю, от договорных обязательств с частно-капиталистическим предпринимателем, для хлопкового хозяйства — с частным или акционерным хлопковым заводом, и т. д.

Следовательно, организация труда в индивидуальном хозяйстве есть результат хаотичности капиталистического способа производства, частной собственности на землю, выражение противоречивости капиталистического развития сельского хозяйства.

И нетрудно доказать, что эта зависимость от капиталистического способа производства индивидуального хозяйства с его организацией труда определит бытовые, надстроечные и религиозные явления, связанные с индивидуальным хозяйством. Следовательно, для социалистической реконструкции декханского хозяйства нужно новое качество его, нужен был Октябрь, нужен был революционный взрыв, революционные предпосылки для нового качества; нужно поэтому теперь определить качественное отличие колхоза от индивидуального хозяйства: очевидно это будет какое-то новое отношение трудящегося декханина к земле и средствам производства и новые поэтому формы организации трудовых процессов.

С этими необходимыми методологическими предпосылками постараемся теперь охарактеризовать колхоз Гулистан (Gulistan) Курган-тюбинского района ТаджССР.

КОЛХОЗ ГУЛИСТАН

Интересен этот колхоз тем, что он типичен для переселенческих колхозов данного района, что он один из наилучше организованных и сильных колхозов в районе; это его отличие дает материал для наиболее точных выводов о коллективизации переселенцев. Расположен Гулистан в 14 км к югу от Курган-тюбе. Это крупный хлопководческий колхоз; из всех колхозов в районе имеет наибольшую хлопковую площадь. На 1930 г. было засеяно 315 га хлопка, остальные культуры в данном случае не представляют интереса; исчисляющиеся в единицах гектаров, они играют очень незначительную роль в хозяйстве колхоза. Для нас интересна здесь только зависимость производственного направления колхоза от хлопкового направления района, определяющего Гулистан, как крупный хлопководческий колхоз. Для историко-социологического исследования колхоза важно его производственное направление, поскольку от производственного направления в той или иной степени зависят формы организации труда. Производственное направление не является еще решающим началом для организации труда, вытекающей, в конечном счете, из нового отношения трудящегося декханина к земле

и к средствам производства, но известную окраску организации труда производственное направление колхоза придает. Это положение подтверждается последующим изложением материала.

По типу, Гулистан—с.х. артель. История организации колхоза такова. С 1929 г. существовали до марта 1930 г. семь мелких товариществ СОЗ из переселенцев северных районов Таджикистана, преимущественно из Пенджикентского округа и Ферганы (Узбекистан). В марте 1930 г. семь этих товариществ объединились в колхоз Гулистан благодаря организационно-пропагандистской работе актива одного из этих товариществ — Гулистана. Факты из жизни семи артелей дают интересный материал о бывшем руководстве в артелях.

3 июля 1930 г. общее собрание исключило из членов колхоза Суфи Ходжибаева, бывшего предартели „Кизыл-дехкан“, вошедшей в Гулистан. Карьера его такова: в прошлом занимался воровством скота, перед вступлением в колхоз имел крепкое хозяйство с наемной силой. Будучи уже предартели, запутал дела и растрачивал колхозные деньги, на чистую воду его вывел колхозник, его же бывший работник.

Второй тип — такого же сорта. Вот копия выписки из протокола общего собрания членов колхоза Гулистан от 12 апреля 1930 г.:

Слушали: „Отчет предартели Бехбуди тов. Махмадьярова о работе, а также о состоянии и мощности колхоза. В выступлениях членов артели выяснилось, что предартели вел дело хищнически и производил всевозможные комбинации без согласия членов артели, как то: собрано было семян 16 мешков и пред продал их по 7 руб. за пуд и деньги неизвестно на что употребил, базарил лошадей, продавал ячмень и еще ряд комбинаций. При продаже хлопка делил деньги: одним давал по 200 рублей, другим по 50 р., книг и отчетности не вел“.

Постановили: „Дело передать следственным органам для привлечения Махмадьярова к ответственности“.

Точно такие же растраты происходили по 500, по 300 руб. почти в каждой из вошедших в Гулистан артелей. У руководства артелями стояли зажиточные, под маркой переселенцев-бедняков, так как в стороне от родных кишлаков, где они совершенно никому неизвестны, легче нагреть руки за счет переселенческой колхозной бедноты, или элемент деклассированный, явно преступный. В число „влиятельных“ в колхозе „активистов“ входил Отто-Бабаев, исключенный за разложение трудовой дисциплины, в прошлом басмач.

Эти факты показывают напряженную классовую борьбу внутри колхоза, выдержанную батрацко-бедняцким переселенческим активом за существование колхоза, за руководство в колхозе батрацко-бедняцкого костяка.

Из 315 га хлопка запахано 200 га трактором совхоза Вахш, посевы которого граничат с посевами Гулистана; оставшаяся площадь запахана

обыкновенными плугами, что в Таджикистане тоже большое достижение по сравнению с местным омачем,¹ не отжившим еще в колхозах. Работала партия колхозников в 50 чел. на 25 плугах под руководством старшего. Частично вспашка хлопковой площади и остальной, занятой побочными культурами, производилась кетменями,² тоже партией в 30 чел. под руководством второго старшего.

Омач был совершенно брошен, хотя колхозники и привезли свои омачи из северных районов сюда в Гульстан и даже некоторые выехали на поле с омачами в противовес плугам, но в первый же день плуг, конечно, побил и омач был изъят из обращения. Омачи пошли на дрова, на хозяйственные нужды, как дерево, служат переходом через арыки и просто валяются без всякого применения. Зато кетмень до сих пор играет еще решающую роль при обработке твердого грунта, при окучке хлопка там, где окучник не может преодолеть твердой почвы, при рытье и очистке арыков, при поливке. Из всех старых орудий в хлопковом хозяйстве сохранился только кетмень; это обстоятельство лишний раз подчеркивает правильность социалистической реконструкции экономики Таджикистана на основе хлопководства. Период окучки хлопка требует наибольшего количества рабочих рук, все способные к полевым работам колхозники мобилизуются на окучку, работают тоже крупными партиями на различных хлопковых участках под руководством старших. Поливка хлопка производится несколько раз в лето днем и ночью; бригада, занятая только поливкой, не участвует в остальных с.-х. работах в колхозе. Бригада работает под руководством своего мираба, выбранного на общем собрании колхоза; его обязанность — руководить поливкой, регулируя нормы подачи воды на отдельные хлопковые участки.

Кроме старших временных бригад, создающихся по мере потребности в течение сезона, есть постоянный старший по всему колхозу, он с вечера распределяет наряды на работу четырем старшим кургонам. Относительно старших кургонов необходимо временно отвлечься от темы организации труда. Дело в том, что Гулистан расположен четырьмя кургонами. Кургон (kurgon) — двор обнесенный глинобитной стеной со всеми находящимися внутри его или, вернее, расположенными по углам стены хозяйственными и жилыми постройками, при чем отдельно выделяются помещения для семей и общежития для молодежи, холостых и переселенцам, не привезшим еще свои семьи из старых кишлаков, при чем в отдельных помещениях живут только муж с женой и с малолетними детьми и нетрудоспособные старики, родственники семьи, все же осталь-

¹ Омач — древний деревянный плуг.

² Катмень — род лопаты, насаженной на рукоять перпендикулярно. Копают, закидывая кетмень назад, над головой, и с силой вонзая в землю, как при копании мотыжкой.

ные трудоспособные члены семьи живут в общежитиях вместе с остальными колхозниками. В понятие „кургон“ вкладывается и самый трудовой коллектив, живущий „под одной кровлей“, если можно так выразиться, или на одном дворе. Такой кургон выбирает своего старшего, старший направляет на работу по нарядам старшего колхоза, с вечера объявляя, кому на какую работу идти на следующий день.

Интересен труд женщин в Гулистане и его организация, организация, какой не найти ни в одном из колхозов района. Женщины не участвуют в полевых работах, они заняты на домашней работе, воспитанием детей, уходом за больными и стариками, выпечкой хлеба, приготовлением пищи, пошивкой и починкой одежды. Все женщины колхоза объединены в одну женскую артель, или тоже бригаду, у них есть свой выбранный старший — женщина, по нарядам которой они также каждая выполняет на каждый день определенную работу. Старшей назначаются женщины для выпечки хлеба на весь колхоз, для ухода за детьми не только своими, но и всех колхозников, для ухода за больными, не только за членами своей семьи, но и за любым колхозником, нуждающимся в постоянной помощи, и определенным женщинам поручается пошивка и починка одежды на всех колхозников.

Приведенные факты достаточно подтверждают коренное отличие такой организации труда от индивидуального хозяйства. Мы сталкиваемся уже не с социальными производственными отношениями между отдельными хозяйствами, при которых одни живут за счет эксплуатации других, а с техническими производственными отношениями между ними, и даже отдельное хозяйство в таком колхозе совершенно теряет свою значимость, благодаря обобществлению средств производства и орудий труда и укрепляющихся стимулов к обобществлению быта, что видно хотя бы на примере женского труда и что еще резче скажется ниже при характеристике коллективных форм питания и снабжения колхозников.

Мы видим на разобранных примерах, что определенные формы организации труда складываются не сами по себе, не обобществленный плуг или кетмень создают непосредственно определенные формы организации труда, — такое понимание было бы сугубо механистично. Социалистические формы организации труда создаются при непосредственном участии и понимании задач планового хозяйства определенного выдвинувшегося колхозного актива, поэтому структуру организации колхоза, состав актива необходимо рассмотреть.

Кто выдвигается колхозниками на руководящую работу, кто является активистом? Только те, которые зарекомендовали себя на полевой работе, наиболее дисциплинированные и идущие впереди на работе в поле; только они получают в колхозе право на авторитет и уважение, к их голосу на собраниях прислушиваются, даже в том случае, если такой

колхозник еще молод и не имеет белой чалмы и бороды старика. Труд в условиях колхоза становится предметом уважения и славы. Он качественно отличен от труда в индивидуальном хозяйстве, от труда, эксплуатируемого баем или зависимого от стихии рынка и милости торговца. Труд зазорный, рабский—не авторитетен; он—тяжелая необходимость существования.

Как же организовано руководство в Гулистане. Общая схема организации колхоза такова. Высшим руководящим органом колхоза является общее собрание колхозников, которое выбирает правление колхоза и председателя для ведения повседневной работы; председатель проводит в жизнь все решения общего собрания и правления; через своего помощника и старших кургонов председатель руководит всей организацией хозяйства и труда в колхозе. Требуется дать к схеме некоторые пояснительные справки. Характерным для общего собрания является отсутствие на нем женщин. Женщины не участвуют также и в руководящей работе. Этот факт отрицательного порядка—не результат противодействия колхозников, а результат веками сложившейся психики женщины, испытавшей двойную кабалу: постоянную зависимость декханского хозяйства от феодала, а впоследствии от бая и стихии рынка, и зависимость от мужа, освещенную кораном. Это старое над ней тяготеет больше, чем над мужчиной, ее психика труднее рвет со старым, труднее поддается новым процессам, совершающимся в колхозе этим же объясняется и ее отсутствие на полевых работах. Отрицательная роль религии сказалась здесь достаточно ярко. В правлении колхоза, помимо прямых членов правления, получают решающий голос, санкционируемый общественным мнением колхозников, приходящие на его заседания отдельные активные колхозники, в большинстве случаев молодые, зарекомендовавшие себя на полевой работе. В основном этот актив—батрацко-бедняцкий состав колхоза. Биографии старших (членов правления)—типичные биографии бедняков, до колхоза живших в постоянной зависимости от бая или живших в работниках у городского спекулянта-торговца или содержателя какого-нибудь производства кустарного типа. Типична биография председателя колхоза Шарифа Наврузова, бедняка, рано потерявшего родителей, жившего в работниках в байских хозяйствах, работавшего арбакешем, перед самым вступлением в колхоз имевшего маломощное хозяйство без с.-х. инвентаря и рабочего скота, вследствие чего больше работавшего на бая, чем на свое хозяйство. После переселения в Курган-тюбинский район Наврузов становится организатором колхоза, чем заслужил ненависть баев и басмаческих шаек; ненависть последних усугублялась активным участием Наврузова в ликвидации басмаческих шаек. Летом 1930 г. Наврузов вступает в КП(б)Тадж и содействует организации кандидатской группы КП(б)Тадж и ячейки ВЛКСМ в Гу-

листане. Колхозсекция Курган-тюбе ходатайствует о награждении Наврузова и колхоза орденом Ленина. Много примеров энтузиазма на трудовом фронте можно привести в пользу руководящего батрацко-бедняцкого актива колхоза, свидетельствующего о его политическом росте; много примеров отказа от выходных дней и религиозных праздников в период сезонных полевых работ. Вот краткие документальные сведения:

Выписка из протокола № 3 заседания колхозников
от 28 марта 1930 г.

Слушали: „О дне отдыха членов колхоза“.

Постановили: „В виду важности вопроса посевной кампании, один день отдыха выделяется через каждые 15 дней работы“.

Выписка из протокола общего собрания от 24 июня 1930 г.

Слушали: „Об окучке“.

Постановили: „Приняли выполнить принятое обязательство по окучке. В 15 дней закончить окучку. На эти пятнадцать дней назначить старшим рабочим Турсунтоша Баева. Собрание обязует его, как колхозника, хорошо выполнить свою работу. Выполнить обязательство перед партией. Будущий урожай хлопка сдать на 100% государству“.

Приведенные факты достаточно ярко рисуют социалистические формы организации труда, создающиеся при непосредственном участии колхозного актива.

Если взять трудовой день в колхозе, отдых, восстановление рабочей силы и некоторые элементы идеологического и религиозного порядка в их отношениях к семье, к отдыху и домашнему хозяйству, то придется рассматривать термин „быт“ со стороны отношения к процессу производства, потому что все явления бытового порядка непосредственно связаны с трудовыми процессами и зависимы от них, что на примере Гулистана достаточно ярко сказывается.

В таком понимании „быт“ вырисовывается как процесс восстановления рабочей силы для целей воспроизводства, или, иначе, воспроизводство рабочей силы. И все явления, в той или иной степени связанные с процессом воспроизводства рабочей силы, будут играть роль активных положительных моментов воспроизводства рабочей силы и самого процесса производства, как, напр., культурная организация отдыха, грамотность и работа школы и т. д., и роль отрицательных моментов воспроизводства, как напр., недопущение женщины кораном к полевой работе, запрещение женщине тем же кораном вмешиваться в общественную жизнь и религиозная регламентация трудового дня. Так ставить вопрос, конечно, можно только в условиях СССР, в условиях роста социалистического сектора в сельском хозяйстве. Переходим же к „быту“.

Незадолго до восхода солнца все трудоспособное население Гулистана, исключая женщин, детей, стариков и больных, отправляется на

полевые работы. Работа производится до наступления дневной жары. С 12 до 4 ч. дня работать в открытом поле при 80° жары невозможно; следует дневной перерыв, отдых, обед и сон, молодежь слушает какого-нибудь грамотного, читающего газету. С 4 ч. до захода солнца — опять полевые работы, которые прекращает быстро наступающая темнота. После небольшого отдыха дети, молодежь и значительная часть колхозников идут на час занятий в школе по ликбезу. После школы ужин, отдых и сон, опять читка газеты, приготовление уроков, заданных учителем, что вызывает нечто вроде соревнования не только между молодежью, но и пожилыми колхозниками, на то, кто больше усвоит букв и сумеет их написать или написать даже целое предложение. В период сезонных работ, как вспашка, окучка хлопка, сбор урожая, трудовой день в колхозе складывается из 8—10 ч. работы в поле. Этот день безусловно короче трудового дня в индивидуальном декханском хозяйстве, но все же его относительная перегруженность является результатом недостатка рабочих рук. Средняя норма на человека в хозяйстве — отработка 3 га хлопка; в Гулистане она достигает 5 или 6 га вместе с побочными культурами, как следствие перевыполнения производственного плана и отсева части колхозников в период слияния семи артелей в один колхоз.

К социалистическим же формам быта следует отнести и коллективные формы организации питания и снабжения колхозников. Питание в Гулистане коллективное, и в этом смысле частный, семейный уклад разрушен. Описанные выше четыре кургона питаются совместно. Кургон представляет из себя производственно-бытовой коллектив, производственно-бытовую ячейку в колхозе; старшие кургонов выполняют не только организационно-производственные функции, но и организационно-бытовые. Завхоз колхоза из общей продуктовой кладовой колхоза выдает продукты на каждый день старшим кургонов. Для приготовления пищи наряжаются женщины и в помощь им мужчины для тяжелой работы, живущие в одном кургоне вне зависимости от наличия или отсутствия родственной связи. Питаются целым кургоном вместе, опять с отсутствием женщин и детей за общим колхозным „столом“; женщины и дети питаются от общей колхозной кухни, но отдельно; все же остальные члены семьи, живущие в одном кургоне, приходят не к семейному, а к общему колхозному столу. Интересно описать картину колхозного „стола“. Во дворе кургона устроена специальная суфа, низкий навес над хаусом (прудом), на суфу раскладываются материи и на них ставится и раскладывается пища. Колхозники садятся в круг по краям суфы; один из круга, обычно председатель или уважаемый колхозник, иногда уважаемый гость, часто начинает первым, и от него по кругу передается ложка или пиала и он разламывает и раскладывает хлеб и мясо, иногда

перед едой прочитав формулу из корана с благодарностью богу за пищу и обязательным омовением рук. Для гостей обычно выделяется особое место рядом с председателем колхоза. По форме это напоминает докапиталистическую среду, может быть патриархальную семью, и уважаемого колхозника в роли патриарха. Сам по себе этот вопрос достаточно интересен для изучения. Для нас сейчас важно выяснить, можно ли считать достижением социалистического быта описанные выше коллективные формы питания, конечно без религиозных моментов. Даже в том случае, если форма и взята из докапиталистических формаций, данное явление нужно считать порождением социалистического быта. Дело не в форме, а дело в том, что частный, семейный уклад разрушается, отдельное хозяйство растворяется в колхозе. Использование же готовых форм с полной заменой содержания вполне возможно; но и возможно другое решение: разные начала породили внешне сходную форму.

Точно так же коллективно организовано снабжение колхозников остальными продуктами и промтоварами. Товары закупает председатель для всего колхоза, и правление распределяет их между колхозниками по степени нуждаемости каждого в конкретном предмете (сапоги, халаты, материя и т. д.). На каждого колхозника ведется лицевой счет и при распределении урожая учитывается сумма забранных товаров.

Такая организация снабжения немыслима, конечно, нигде, кроме колхоза, и достаточно ярко, без комментариев, говорит сама за себя.

К сожалению, размеры статьи не позволяют остановиться на всех явлениях, подлежащих историко-социологическому изучению отдельного колхоза. В частности, процесс отмирания религиозных предпосылок и самой религии в колхозе может послужить отдельной темой для изучения и требует длительного изучения на месте, что при условиях двухмесячного пребывания в колхозе, конечно, невозможно было сделать полностью. Все же вопрос сам по себе настолько интересен, что даже и имеющиеся скудные материалы должны быть учтены в общей характеристике колхоза.

Носителями религиозных представлений, в основном, являются старики; молодежь относительно нерелигиозна и имеет только небольшую кучку сторонников религии. Наряду с официальными верованиями, сохраняются и более древние доисламские представления. Взять хотя бы легенду о Млечном пути (*kuṣai kakason*). Когда-то жил один дехканин; кто он был, никому из людей неизвестно. Он посеял какую-то чудесную пшеницу, которая выросла и созрела в один день. Дехканин успел в тот же день пшеницу обмолотить и перемолотить, и вот, когда он молотил пшеницу, был ветер и поднял мякину на небо, „как такая длинная дорога“ (*kuṣa—дорога, улица*). Предпосылки зарождения этой легенды можно искать в чрезвычайной зависимости богарного земледелия, на наиболее при-

митивных ступенях его развития, от географической среды. Впоследствии эта легенда развивается и культивируется в условиях индивидуального хозяйства, полностью зависимо от стихии рынка и стихийных общественных сил. Верующий надеется на вмешательство высшей силы в процесс производства декханского хозяйства, в повышение урожайности, ждет, чтобы божество приняло реальные материальные блага. В этом же следует искать и причины благодарности за пищу перед едой высшей силе — богу — и просьбы к нему поддержки в дальнейшем хозяйстве.

Следующая легенда о Большой Медведице укрепляет изложенные предположения своим пессимизмом, своими рецептами уйти от своего хозяйства, от семьи, от земной жизни, куда-то на небо в царство духов, небесных людей.

Большая Медведица (*sitorai haft dodaron*) — звезда семи братьев (*sitora* — звезда, *haft dodar* — семь братьев). Жили когда-то на земле семь братьев; они были не такие, как все, не заботились о земных благах, совсем не занимались своим хозяйством, а все читали и самоусовершенствовались, повидимому на священных текстах, и после смерти ушли на небо. На небе живет много небесных людей, духов, они защищают камнями свое жилище от силы враждебной небу — шайтан; камни — падающие звезды; шайтан иногда появляется в образе звезды с хвостом. Мир небесных духов обещан для бедняка, которому нечего терять на земле и лучше заниматься на земле не хозяйством, а самоусовершенствованием, беседой с высшей силой — богом, чтобы попасть в небесный рай духов. Стоящему на грани полной нищеты бедняку советуется отказаться от своего участка земли и хозяйства, благо ему своими силами его не поднять, — лучше „самоусовершенствоваться“ и получить ордер на рай духов.

Этот скудный материал достаточно ярко все же выясняет корни бытующих религиозных представлений в колхозе. Идеология менее интенсивно прогрессирует, чем хозяйство. И если официальная религия — ислам — отрицает, то эти сказания и легенды, имеющие за собой многовековую историю идеологии, вытекающей из докапиталистических отношений, древнее и устойчивее. Они подчиняют подчас себе официальную религию — ислам, что ярко сказывается на примере таморов (талисман — определенные формулы корана, написанные на бумажке муллой и зашитые в мешочек треугольной формы), служащих для магического способа наведения болезни на врага или защиты от нее самого себя или своего родственника и друга. Эти таморы носят на груди, на одежде, у пояса, вешаются в доме. Магия подчинила коран: и мулла — маг, маг — и человек, имеющий *tamor*. И все же роль религии падает (отказ от религиозных праздников в летний сезон); за официальным исламом отомрут всякие предпосылки и более древней бытовой религиозности, потому что условия развития планового хозяйства в колхозе, социалистические

формы организации труда, обобществление быта есть уничтожение капиталистического способа производства. Отомрет экономическое неравенство хозяйств и зависимость их от стихии рынка. Отомрет и религия—орудие закрепления, эксплуатации человека человеком, средство защиты частной собственности, и, в первую очередь, крупного капиталистического байского хозяйства.